

You can always see her away, if you don't want her [Wingfield, c. 213].

У двох останніх прикладах паралелізм і заперечення сполучаються в реченні з емотивними перехідними дієсловами.

У мовленні персонажів уживані також ненормативні конструкції з подвійним запереченням, питання без конвертованого порядку слів. Наприклад:

You don't need to red quarters [James Lee Burke, c. 85];

You want Mingo? [James Lee Burke, c. 80].

У мовленні персонажів сильноперехідність емотивних дієслів виявляється в їхній самодостатності при вираженні емотивного відношення. Речення з емотивним дієсловом містить мінімальне число аргументів при перехідному дієслові саме в цій субмові:

You want a cruiser, Dave? [James Lee Burke, c. 42];

You want a Coke? [James Lee Burke, c. 29];

You liked me, didn't you? [James Lee Burke, c. 95];

I appreciate the offer [James Lee Burke, c. 29];

I need your help [Wing, c. 202];

I want him [Wing, c. 209].

Таким чином, можливо зробити висновки, що емотивні дієслова, хоча і відносяться у газетній хроніці, авторському мовленні і мовленні персонажів до різних підкласів перехідності – сильноперехідному в авторському мовленні і слабоперехідному у газетній хроніці – однак виявляють ряд загальних рис:

1) у реченнях з перехідним емотивним дієсловом завжди експлікований хоча б один елемент персональної і референтної сіток; другий елемент, якщо не має експліцитного вираження, легко відновлюється;

2) емотивні перехідні дієслова включаються в модальну сітку тексту і дискурсу, оскільки їх супроводжують різні оціночні й емоційні експлікатори.

У слабоперехідному підкласі емотивних дієслів у газетній хроніці спостерігається деяка надмірність додаткових засобів у порівнянні із авторським мовленням і, особливо, мовленням персонажів. У художньому дискурсі емотивні дієслова беруть участь у формуванні модальної сітки шляхом включення в паралельні семантико-синтаксичні структури і негативні конструкції. У мовленні персонажів звертає на себе увагу мінімум супутніх засобів. Саме в цьому типі мови емотивне перехідне дієслово є самодостатнім для передачі емотивності всієї структури в мінімальній дієслівній валентності (дієслово і його два аргументи у лівостороннім і правостороннім оточенні).

Іншими словами, маркером сильноперехідності є мінімальна валентність перехідного дієслова. У фоновому і слабоперехідному вживанні число валентностей перехідного дієслова зростає.

#### Джерела та література

1. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: РАН Институт языкознания, 1997. – С. 270, 327, 331.
2. Ноздрина Л. А. Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка): Спец. 10.02.04. – М., 1997. – 47 с.
3. Лексико-семантические группы русских глаголов /Под ред. Э. В. Кузнецовой. – Иркутск, 1989. – С. 5.
4. Гульга О. А. Средства коммуникативного выделения во французской речи // Функциональная семантика. – М.: РАН. Ин-т яз., 1996. – С. 78-95.

#### Шаброва Е. Н.

### «СЛОВАРЬ ОБЛАСТНОГО ВОЛОГОДСКОГО НАРЕЧИЯ» П. А. ДИЛАКТОРСКОГО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МОРФЕМНОЙ СИСТЕМЫ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ<sup>1</sup>

1) **Постановка проблемы, обоснование ее актуальности.** Одной из актуальных задач современной русской диалектологии является изучение морфемной системы русских говоров. Эта система, являясь одним из вариантов общерусской морфемной системы, обнаруживает много общего с морфемикой литературного языка, но имеет также и ряд особенностей, проявляющихся как на уровне состава морфем и инвентаря их морфов, так и в области их дистрибуции и семантики. Изучение всех этих явлений предполагает, в первую очередь, систематизацию лексического материала русских говоров. С одной стороны, это сбор, классификация и анализ лексики территориальных диалектов по структурно ориентированным программам. С другой стороны, это систематизация сведений о морфемной структуре диалектных слов, содержащихся в лексикографических источниках.

2) **Анализ основных исследований и источников материала.** Особое место в сфере диалектологических источников занимают диалектные словари конца XIX – начала XX века. В это время в России активизируются краеведческие исследования, создаются региональные общества изучения родного края, создаются словари местных слов, в которых не только комментируются их лексико-грамматические свойства, но и характеризуется культурно-этнографическое наполнение этих слов, определяется их связь с бытовой и духовной культурой русского народа. Среди этих словарей наиболее известны словари северных говоров: «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого (СПб., 1885); «Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского (СПб., 1889); «Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (1907); «Словарь Череповецкого уездного говора» М. К. Герасимова (СПб., 1910) и некоторые другие. В ряду этих словарей следует рассматривать и «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского, подготовленный в 1902 – 1903 гг по заданию Академии наук и под руководством А. А. Шахматова [1].

Автор словаря, Прокопий Александрович Дилакторский (1862 (1868?) – 1910), на протяжении многих лет исследовал народную культуру Вологодского края, собирал и систематизировал диалектные слова. При

подготовке рукописи своего словаря он использовал собственные наблюдения, а также материалы более 40 опубликованных и рукописных источников, содержащих вологодскую лексику. Результатом этой работы явился региональный диалектный словарь, содержащий более 14 тыс. слов. Они включены в состав других словарей русского языка [СРНГ, Фасмер], но, к сожалению, сам словарь П. А. Дилакторского был опубликован только в 2006 году [Дил.].

Словарь П. А. Дилакторского построен по дифференциальному принципу, слова в нем расположены в алфавитном порядке. В структуру словарной статьи входят заголовочное слово, географические пометы, характеризующие ареал его употребления, толкования значения (значений), грамматические и стилистические пометы (непоследовательно), иллюстрации употребления слова, снабженные указаниями на источник в том случае, если сам автор не слышал описываемого слова в живой речи: *гольем, гофью* (Кадн., Волог., Гряз., Тот.). Нар. «Получить что натурою, также съесть что-либо без хлеба и соли» *Я получив от его гольем петь красненьких билетов. Он гольем съев всю редьку. Он разе чево и поест, так поест только голью* (Кичин). *Видно, сът, что голью хлебаешь молоко-то* (Попов) [Дил.: 87].

3) **Цели и задачи статьи.** Материалы «Словаря областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского, в первую очередь, необходимы для лексикологических и этнолингвистических исследований. Вместе с тем данные этого словаря могут быть привлечены для изучения морфемной системы вологодских говоров в ее развитии на протяжении XIX – начала XXI вв. В данной статье рассматриваются перспективы такой работы в соответствии с двумя традиционно выделяемыми аспектами диалектологических исследований: структурно-семантическим и территориальным.

#### 4) **Основной материал исследования.**

Началом осознанного разграничения структурной и территориальной диалектологии русского языка можно считать исследования Р. И. Аванесова, который ввел в науку понятия *диалектного языка* и *диалектного отличия*: «Диалектное отличие есть такой элемент структуры языка, который в отдельных частных диалектных системах выступает в разных своих членах. Каждый из этих вариантов сам по себе является элементом той или иной частной диалектной системы. Совокупность этих вариантов образует соответствующее явление. Члены соответствующего явления находятся между собой в определенных закономерных отношениях, исключая друг друга в одной частной диалектной системе и замещая друг друга в разных системах». Изучение диалектных отличий в *территориальном* аспекте Р. И. Аванесов связывает с понятием *изоглоссы*: «изоглосса есть то, что получается в результате проецирования на территорию, на географическую карту диалектного отличия <...>. При помощи изоглоссы в указанном понимании устанавливаются границы территориального распространения отдельного соответствующего явления в его соотносительных вариантах» [2].

**Структурный** (точнее, структурно-семантический) подход к анализу морфемной системы русских говоров включает в себя описания сопоставительного плана. Материалы словарей, подобных словарю П. А. Дилакторского, могут быть использованы в нескольких видах сопоставительных исследований.

*Функционально-динамический* анализ единиц и отношений морфемного уровня в различных разновидностях русского языка. Здесь предполагается установление диалектного или общерусского характера морфем, их фонемной репрезентации, дистрибуции и семантики. Так, данные словаря Дилакторского и современного «Словаря вологодских говоров» позволяют свидетельствовать в пользу устойчивости и регулярности варьирования некоторых фонем в структуре корневых и аффиксальных морфов:

а) <о> // <у> // <ы> (*будыхаться* 'бодаться' [Дил.: 38] – *избости* 'забодать' [СВГ, 3: 6] *быдачкий* 'бодливый' [КСВГ]; *боркать* 'стучать, звонить, брякать' [Дил.: 31], *буркать* 'бросать, кидать' [СВГ, 1: 51], *обуркаться*, *обыркаться* *обыреть* 'обвыкнуться, освоиться, адаптироваться' [СВГ, 6: 12; КСВГ] и др.);

б) <б> // <в> (*оболокаться* 'одеваться' [Дил.: 305] – *оволокаться* 'обуваться' [СВГ: 6: 17], *ободень* 'в одни сутки', *обыден*, *овыден* 'вероятно, будний день: *Барщина обыден*' [Дил.: 305; 310], *обудень*, *обыдень* '1) будний день; 2) в один день' и *овыдень* '1) будний день; 2) (нареч.) за один день', *оводни* 'недавно, на днях', *овыденки* 'сутки' [СВГ, 6: 12; 14; 19]) и др.

*Историко-динамический* анализ морфемной системы говоров предполагает исследовать изменения в этой системе внутри некоторого временного периода. По материалам словаря П. А. Дилакторского можно отметить изменения, произошедшие в течение полутора столетий. Так, например, по данным «Словаря областного вологодского наречия» в вологодских говорах фиксируется около 20 слов с корнем *-тул-*: *втулить* 'вбить' [Дил.: 69], *вытулить*, *вытуливать* 'выгаскивать, доставать, отдавать' [Дил.: 75], *затуливать* 'начинать', *затулить* 'засунуть, потерять' [Дил.: 165], *притулить* 'прислонить, приставить, прикрыть, закрыть, ухитить; притащить, приволочь', *притулиться* 'пристроиться, приютиться', *притуляться* 'пристраиваться', *притулять* 'прислонять, приставлять, прикрывать', *притулье*, *притульецо* 'приют, защита, убежище' [Дил.: 408], *сутулый* 'тот, кто горбится, хотя и не горбатый' [Дил.: 491], *тулик* (?) 'хват, молодец, провор' [Дил.: 512], *тулиться* 'скрываться, сторониться людей, избегать', *тулово* 'туловище' [4,54], *тулоиный*: *тулоиное окно* 'маленькое окно без косяков, рама в котором низенькая, но длинная' [Дил.: 513], *утулить* 'убавить, заглушить, уничтожить', *утулеть*, *утулеться* 'устать, утомиться', *утуляться* 'церемониться, стесняться' [Дил.: 531]. По данным «Словаря вологодских говоров», фиксирующего лексику второй половины XX века, можно исследовать развитие этого гнезда. С одной стороны, оно сохраняет основные устойчивые элементы. С другой, обнаруживает ранее не зафиксированные слова, семантически близкие основному составу гнезда: *тулка*, *тулька*, *тулок* 'деревянная затычка, втулка' [СВГ, 11: 74], а также семантически обособленные: *сутульщина* 'дрязги, распри' [СВГ, 10: 163], *туляться* 'бродить взад-вперед без дела, шляться' [СВГ, 11: 74]. Можно отметить также факт конвергенции данного корневого гнезда с гнездом заимствованного корня *-тал'*: *тулейка* 'талия', *тулинка* 'приталенная женская кофта' [СВГ, 11: 74]. Это обусловлено фонематической близостью корней *-тул-* (\*tulf) и *-тал'* (ср.:

*талия* от франц. *taille* «рост, фигура, талия» [Фасмер: 4: 15; 117] и возможностью каждого из них выражать сему «плотно прилегать к чему-либо (обрисовывая контуры тела)».

Материалы «Словаря областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского позволяют исследовать морфемную систему вологодских говоров не только в структурно-семантическом, но и в **территориальном** аспектах. Заголовочные слова и иллюстрации данного словаря демонстрируют регулярные изменения структуры различных морфов, свойственные говорам вологодской группы: *исъ, истъ* 'есть' [Дил.: 184], *цѣрной* 'черный' [Дил.: 547], *мякки, мяккие* 'лепешки из смеси ржаной и яичной муки' [Дил.: 266] и др. Интересно также изучение территориальных особенностей образования слов общерусских словообразовательных типов: *жсравика, жсравиха, жсравица жсравлика, жсравлиха, жсаровика, жсаровиха, журавика, журавиха, журавлика, журавлиха* 'клюква' [Дил.: 128]. Материалы «Словаря областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» могут быть использованы также для описания морфемной системы более частных диалектных объединений, входящих в состав говоров вологодской группы северного наречия. В этом отношении выгодно представлена лексика бывшего Кадниковского уезда – родины П. А. Дилакторского. Это центральная часть Вологодской области, ныне входящая в состав пяти административных подразделений Вологодской области. Сопоставление наблюдений П. А. Дилакторского и данных СВГ могут дать информацию о динамике лексического состава этих говоров и о специфике их морфемной системы.

б) *Выводы и перспективы исследования.* Описание русского диалектного языка на морфемном уровне предполагает привлечение самых разнообразных источников лексического материала. Традиционно среди этих источников преобладают дифференциальные региональные словари, к числу которых в большой мере относится и «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского. Материалы таких словарей дают информацию для самых разнообразных морфемологических исследований: описательных и сопоставительных, территориальных и структурно-семантических, синхронических и диахронических. Вместе с тем специфика словарей подобного типа во многом определяет направление анализа, в первую очередь обращая внимание на те явления, которые представлены в морфемной структуре диалектных слов. Поэтому описание морфемики вологодских говоров и – в перспективе – создание диалектного словаря строения слов предполагает активное сочетание анализа лексикографических источников с недифференцированным изучением структуры слов в ходе полевых диалектологических исследований [3].

#### Источники

Дил. – Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. – СПб.: Наука, 2006. – 677 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12. – Вологда, 1983-2006.

Ф – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.: Т. 1-4. – М., 1986-1987.

#### Литература

1. Шаброва Е. Н. П. А. Дилакторский и его словарь // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 592-598.

2. Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). – М., 1965. – С. 26-42.

3. Шаброва Е. Н. Морфемика русских говоров. – Вологда, 2006. – С. 100-102.

#### Примечания

<sup>1</sup>Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук (проект МД-256. 2007.6).

## Шавхелишвили Б. А.

### АСПЕКТ И ЧИСЛО В ГЛАГОЛЕ ЦОВА-ТУШИНСКОГО (БАЦБИЙСКОГО) ЯЗЫКА

В научной литературе категория аспекта в глаголах нахских языков в определенной степени исследована, в особенности в вейнахских языках (Н. Яковлев, Ю. Дешериев, С. Мовтаев, Р. Гагуа, К. Чрелашвили и др.).

Согласно исследованиям уважаемых коллег, основным критерием его образования в цова-тушинском языке указана внутренняя флексия основы глагола и наличие супплетивных форм; выделены глагольные пары, где аспект выражен основами одноразового и многократного действия, т.е. в двух измерениях, напр.: хьачӀар (увидеть) – хьечӀар (смотреть), или альяр (сказать) – левар (говорить) и др.

На сегодняшний день, в основном, это так и есть. Однако, если собрать сохранившиеся до нашего времени лингвистические данные и на уровне диахронии проанализировать их, сопоставив с данными нынешними, предстанет совершенно другая картина.

Общеизвестно, что суть категории аспекта состоит в том, что язык создает глагольные формы, где отчетливо выражено семантическое расчленение действия в зависимости от его кратности измерения, т.е. в глаголе отражено действие, сосредоточенное вокруг одного факта в одном месте и в один момент, либо отражено множество идентичных актов, связанных между собой некой последовательностью и пермонентным повторением действия во времени и пространстве. На первый взгляд этот вопрос для многих языков, в определенной степени, представляет собой универсалию и особых расхождений в образовании данной категории нет, т. к. они сводятся в основном к аффиксально-лексическим критериям. Однако это не так, ибо на лингвистическом материале кавказских, а в нашем случае – нахских языков, можно проследить процессы становления данной категории и ее трансформации.

Думаем, что исторически этот процесс мог оформляться с помощью различных грамматических маркеров. Лингвистический материал цова-тушинского языка дает возможность предположить, что эти маркеры исторически не были идентичными и выражали не две кратности измерения действия глагола, а три: одноразовое действие, действие более одного раза и бесконечное действие. На уровне диахронии эти функции в разное время выполняли различные грамматические показатели. Нам удалось выделить некоторые из них, создающих определенную логическую цепь в трансформации языка и отражающих эти процессы в виде нескольких этапов:

1. этап – выражение кратности действия посредством (назовем их условно) деиктических знаков; в настоящее время этот процесс известен как внутренняя флексия основы, напр.: отга (остановиться – однажды) – латта (стоять много раз) – этта (стоять бесконечно) или кхоса (бросить) – кхаса (бросать) – кхебса (бросать